

Данильченко Сергей Леонидович

д-р ист. наук, профессор, советник директора
Филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова» в г. Севастополе
г. Севастополь

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН СОВЕТСКОГО ПАТРИОТИЗМА

Аннотация: в данной статье отмечается, что концепция советского патриотизма обеспечила историческую легитимность и духовную преемственность СССР с царской Россией в вопросах укрепления российской государственности и защиты национальной независимости страны. Автор приходит к выводу, что она сбалансировала необходимые пропорции между национальным патриотизмом русских и чувством уважения и почитания ко всем народам России.

Ключевые слова: концепция советского патриотизма, укрепление национально-государственного суверенитета, русский национализм, советский интернационализм, геополитические устремления СССР, идеологическая реабилитация истории, преодоление исторического нигилизма.

Необходимость современного изучения исторического феномена советского патриотизма определяется двумя главными причинами:

– весь ход мировой истории свидетельствует о том, что каждое великое государство, имеющее соответствующий геополитический статус, разрабатывало свою государственную идеологию с целью объяснить миру свое предназначение, великую миссию – Великобритания заявила о себе как о «владычице морей», США выдвинули жесткую «доктрину Монро», Германия, провозгласив, себя «превыше всего», требовала расширения «жизненного пространства»;

– СССР по мере своего возрастающего геополитического веса в мире нуждался в сильной, цельной идеологии. Такой идеологией стал советский патриотизм, во главу угла, которого была поставлена сталинская идея построения социализма в одной стране.

Отправной точкой в изучении советского патриотизма является проблема частичной реабилитации в 1930-е годы дореволюционной русской истории, определившая среди исследователей два подхода.

Одни историки считают, что руководство ВКП (б) обратилось к пересмотру дореволюционной истории России в целях «возвращения к имперскому мышлению», ради «откровенного возрождения имперских принципов» во внешней и внутренней национальной политике, результатом чего явился «почти полный отказ от объективной оценки имперской политики» царской России [1, с. 76–79]. Одной из главных особенностей поворота И.В. Сталина к имперской национал-большевистской идеологии они считают внедрение в общественное сознание тезиса о двойном капиталистическом окружении – внешнем и внутреннем, что позволило успешно укрепить режим личной сталинской диктатуры [2, с. 18–19].

Другие исследователи последовательно отстаивают тезис о том, что «трансплантация русского патриотизма в социалистическую идеологию» была следствием освобождения советского руководства «от ультрареволюционной эйфории первых послеоктябрьских лет» и связана «с провалом расчетов на революционный выход из мирового кризиса 1929–1933 годах и победу социализма в новой группе стран» и в итоге она способствовала «постепенному возвращению людям отечественной истории» [3, с. 108–109].

В том же духе в годы горбачевской перестройки высказывался историк Ю.Н. Емельянов, критиковавший американского советолога Стивена Коэна за то, что тот сильно преувеличивал «обеление царистского прошлого» в идеологии большевизма 1930-х годов. Полемизируя со С. Коэном, Емельянов указывал на то, что «упрощенной картине прошлого, созданной в 1930-е и 1940-е годы, предшествовало полное зачеркивание прошлого в 1920-х годах» [4, с. 76].

Кто же из исследователей прав?

Ближе к истине продвинулась вторая группа историков по той простой причине, что в их пользу свидетельствуют имеющиеся в распоряжении исследователей документы. Некоторые из этих документов уже известны и требуют только

обновленного концептуального осмысления, другие обнаружены в архивах недавно и пока еще остаются мало востребованными исследователями.

Основная проблема заключается в выяснении причин преодоления руководством ВКП (б) в 1930-е годы того нигилизма по отношению к истории и культуре дореволюционной России, который прочно утвердился в партии большевиков и некоторых кругах интеллигенции в 1920-е годы. Анализ источников приводит к выводу о том, что таких причин было две.

Первая причина – крушение иллюзий руководства ВКП (б) и самого И.В. Сталина относительно скорой перспективы победы пролетарской революции в каких-либо других странах.

В 1932 году известный оппозиционер М.Н. Рютин утверждал, что Сталин вообще по своей сути был «платоническим интернационалистом» еще до 1917 года, а после Октябрьской революции начал сразу эволюционировать в сторону «национал-большевизма», предложив еще в 1918 году «надолго махнуть рукой на мировую революцию» [5, с. 174].

В 1932 году на Западе выходит очередная книга Троцкого «Сталинская школа фальсификаций». В этой книге с плохо скрываемым раздражением Троцкий рассказывает о том, как Сталин «упустил революционную ситуацию» в 1923 году в Германии и в 1927 году в Китае. За все это, по мнению Троцкого, на Сталина следовало возложить «главную тяжесть ответственности» [6, с. 197].

Позже, в ряде своих статей Троцкий писал о том, что «через посредство Коминтерна сталинизм стал худшим тормозом мировой революции» (1935 год) и что «международная политика полностью подчинена для Сталина внутренней» (1938 год) [7, с. 136, 138].

Такого рода суждения были отголоском старых споров Л.Д. Троцкого с И.В. Сталиным о зависимости строительства социализма в России от успехов мирового революционного движения. Именно в этих спорах Сталин постепенно изживал иллюзии на предмет скорой победы социалистической революции в

других странах, все более и более ориентируясь на решение тех или иных проблем международной политики ВКП (б) в интересах строительства социализма в России.

Эта тенденция политической эволюции И.В. Сталина уходит своими корнями в период подготовки партии большевиков к событиям октября 1917 года. Еще в августе 1917 года на 6-м съезде РСДРП (б), когда Е.А. Преображенский отстаивал традиционный в то время тезис о том, что строительство социализма в России будет возможно только «при наличии пролетарской революции на Западе», Сталин заявил: «Надо откинуть отжившее представление, что только Европа, может указать нам путь» [8, с. 186–187].

В январе 1918 года на одном из заседаний ЦК партии, на котором рассматривался вопрос о заключении сепаратного мира с немцами, Сталин агитировал за мир, указывая среди прочего и на то, что «революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться» [9, с. 171].

Этот эпизод Троцкий в своих воспоминаниях комментировал так: «Главная моя забота: сделать наше поведение в вопросе о мире как можно более понятным мировому пролетариату, была для Сталина, делом второстепенным. Его интересовал «мир в одной стране», как впоследствии – «социализм в одной стране» [10, с. 377–378].

В 1923 году И.В. Сталин прохладно отреагировал на бурный порыв Л.Д. Троцкого развязать революцию в Германии, избрав свойственную ему в такие моменты, тактику осторожности и выжидания.

Данную тактику ему ставили в вину в период острой внутривнутрипартийной борьбы середины 1920-х годов. Сталинские противники, в частности Г.Е. Зиновьев, в 1927 году распространяли в партийных кругах одно из писем Сталина Зиновьеву и Бухарину (август 1923 года), в котором он советовал «удерживать» немцев, а «не поощрять». Зиновьев использовал это письмо для обвинений И.В. Сталина в предательстве интересов мировой пролетарской революции [11, с. 51–52].

Можно с уверенностью признать факт усилившегося отхода Сталина от доктрины мировой пролетарской революции еще с середины 1920-х годов.

В случае с событиями в Германии осенью 1923 года И.В. Сталин предпочел не курс на подталкивание революции, а пассивный скрытый саботаж очередной авантюры застрельщиков мировой революции. Документы подтверждают, что германская революция не рассматривалась Сталиным в качестве главного фактора улучшения германо-советских отношений. Скрытое военно-техническое сотрудничество Красной Армии и Рейхсвера, расширение советско-германских экономических связей представлялись ему более надежными средствами приобретения необходимого геополитического союзника в Европе.

Германия, как побежденная и униженная Антантой страна, была самым выгодным для России союзником. Не случайно в сентябре 1924 года в закрытом письме ЦК РКП (б) о внешней и внутренней политике И.В. Сталин обозначил первоочередной задачей партии в отношениях с Германией не «курс на германскую революцию», а использование всех имевшихся в то время соглашений с Германией «для дальнейшего усиления позиций СССР» [12, л. 43].

На практике эта установка встретила положительную ответную реакцию в самой Германии. В сентябре 1926 года, вступив в Лигу Наций, Германия прямо заявила о том, что осудит любую агрессию против СССР и будет препятствовать такой агрессии всеми возможными способами.

Из таких же прагматических соображений Сталин считал благоприятной для СССР внешнюю политику фашистской Италии.

В закрытом письме ЦК РКП (б) о внешней и внутренней политике он писал: «...Постоянное стремление Муссолини к освобождению своей политики от опеки Антанты толкает его к ведению по отношению СССР благоприятной линии. Эта линия проявилась в его отказе ратифицировать протокол держав о признании аннексии Бессарабии Румынией... В Афганистане итальянская дипломатия непрерывно помогала нашей дипломатии. Еще ярче выразилась эта линия в Пекине, где итальянский посланник непрерывно оказывал услуги и поддержку товарищу

Карахану... . . . В настоящее время при агонии власти крайнего фашизма, Муссолини кроме всего этого, пытается усилить свой моральный авторитет подчеркиванием своих близких отношений с СССР. Последнее обстоятельство показывает, до какой степени успел возрасти международный удельный вес советского правительства, если фашистское правительство считает возможным усиливать свой авторитет афишированием дружественных с ним отношений» [12, л. 45–46].

В интересах достижения международной стабильности СССР И.В. Сталин предпринял еще два маневра.

Во-первых, он подрывал прозападный троцкистский интернационализм своими призывами обратить главное внимание на революционное движение Востока. Если Троцкий был заинтересован прежде всего в том, чтобы «каждый наш хозяйственный успех» служил приближению именно «европейской революции» [13, с. 146], то Сталин считал, что уж если «мы под Варшавой потерпели неудачу» и общая обстановка после 1921 года изменилась «в смысле усиления удельного веса тех тяжелых резервов революции, какие ныне представляют страны Востока, то тогда остается одно из двух: либо мы глубокий тыл империализма – восточные колониальные и полуколониальные страны – расшевелим, революционизируем и тем ускорим падение империализма, либо промажем здесь и тем укрепим империализм» [14, с. 236–237].

В 1923 году на 12-м партсъезде парируя председателю Совнаркома Украины Х.Г. Раковскому, отстаивавшему идею сохранения независимости Украины, И.В. Сталин заявил: «восточные народы, органически связанные с Китаем и Индией... важны для революции, прежде всего», поскольку «удельный вес этих народностей стоит выше, чем удельный вес Украины» [14, с. 277].

Во-вторых, Сталин сумел приспособить Коминтерн для активной защиты на международной арене внешней и внутренней политики СССР. В 1927 году он даже дал свое определение понятию «интернационалист». Им считался тот, кто «безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР» [14, с. 51].

Таким образом, еще в середине 1920-х годов троцкистской химере мировой пролетарской революции И.В. Сталин предпочел государственный прагматизм,

основанный не на марксистской идеологии, а на комплексном анализе геополитических факторов.

Вторая причина преодоления традиционного нигилизма по отношению к дореволюционной истории России была следствием постепенного отхода Сталина от доктрины мировой революции.

Речь идет о сталинской теории построения социализма в одной стране, в которой троцкистская оппозиция видела главную опасность для своих планетарных доктрин.

В июле 1927 года Г.Е. Зиновьев писал о том, что теория социализма в одной стране «теперь играет уже прямо разлагающую роль и явно мешает сплочению сил международного пролетариата вокруг СССР – ибо убаюкивает рабочих других стран, притупляет у них сознание опасности» [15, с. 26].

Взвешенный анализ политической борьбы И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого приводит к выводу о том, что усиление элементов традиционного русского патриотизма в идеологии ВКП (б) 1930-х годов было закономерным результатом преодоления европоцентризма Троцкого, который во многом и способствовал насаждению нигилизма к истории и культуре дореволюционной России в 1920-е годы.

На этот факт обращали внимание очевидцы событий тех лет.

В 1931 году советский дипломат-невозвращенец С. Дмитриевский писал о том, что Троцкий был по своей сути «западным империалистом наизнанку», мечтавшим «взамен культурного западного капитализма иметь культурный западный социализм», в то время как Сталин стремился добиться «национальной независимости России» [16, с. 268, с. 274–275].

В борьбе И.В. Сталина против Л.Д. Троцкого действительно столкнулись два диаметрально противоположных взгляда на роль русской революции. Троцкий всегда видел в России лишь безликое пространство, пригодное только для того, чтобы стать базой, стартовой площадкой европейской революции. «Мы

нация бедная, – сетовал он еще в 1912 году, – тысячи лет жили в низеньком бревенчатом здании, где щели мохом законопачены – ко двору ли тут мечтать о стрельчатых арках и готических вышках» [17, с. 261].

Еще в годы Первой мировой войны, выдвинув лозунг «Соединенные Штаты Европы – без монархий, постоянных армий и тайной дипломатии» [18, с. 138], Троцкий отвел России роль бедного родственника, годного лишь на то, чтобы пожертвовать собой во имя победы пролетарской революции в «культурной» Европе.

Такая позиция была результатом безоговорочного преклонения Троцкого перед Западной Европой и западноевропейским социализмом. В данном случае Троцкий повторял идеи Энгельса о том, что «русская революция даст такой новый толчок рабочему движению Запада, создаст для него новые лучшие условия борьбы и тем ускорит победу современного промышленного пролетариата, победу, без которой сегодняшняя Россия ни на основе общины, ни на основе капитализма не может достичь социалистического переустройства общества» [19, с. 453].

От классиков марксизма Троцкий во многом заимствовал и типичный для европейских социалистов нигилизм по отношению к истории и культуре России. Порой этот нигилизм доходил до абсурда. В славянофильстве Троцкий видел какие-то мифические «временные идейные ходули, на которых интеллигенция выбиралась из стоячего болота отечественного быта и шла... в Европу» [20, с. 165], а на 12-м съезде партии он мимоходом бросил фразу о том, что «английская культура выше русской» [21, с. 160].

В сталинской теории о возможности построения социализма в одной стране Троцкий учуял смертельную опасность своим грезам о Соединенных Штатах Европы. Сама мысль надолго, если не навсегда, ограничить свою деятельность в рамках одной страны, да еще такой «отсталой» и «варварской», как Россия, приводила его в бешенство.

Достаточно вспомнить, какими эпитетами награждал он И.В. Сталина – «могильщик революции», «Сверх-Борджиа в Кремле», «интендант Гитлера»,

«Каин» и другие. Не менее темпераментно проявлял себя Троцкий и в теоретических спорах. В стремлении Сталина «строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы» [22, с. 298], Троцкий мог видеть только «национальную ограниченность» и забвение «мировых хозяйственных зависимостей» [23, с. 142].

Все это было плодом непоколебимой уверенности Троцкого в неспособности русской революции без помощи Запада преодолеть ту бездну «отсталости», которую страна получила в наследство от старой эпохи.

И.В. Сталин прекрасно разобрался в тех мотивах, которые толкнули Л.Д. Троцкого и его сторонников на бескомпромиссную борьбу против его концепции. Поэтому он усиленно взялся за создание нового образа России и русской революции, стремясь постепенно изжить тот нигилизм по отношению к историческому прошлому страны, с которым большевистская партия прожила все 1920-е годы.

С начала 1950-х годов Сталин постепенно начинает подготавливать общественное мнение к восприятию идеи о том, что русская революция произошла не на пустом месте, а в стране, чья история знала эпохи великих государственных преобразований, в которых и вырос народ, сумевший совершить еще одно, на этот раз самое крупное и самое прогрессивное историческое преобразование – Октябрьскую революцию.

Первым, кого И.В. Сталин попытался заставить принять эту идею, был поэт Демьян Бедный.

В декабре 1930 года Бедный был подвергнут разгромной критике со стороны Сталина, которого поддержали Молотов и Каганович, за свои фельетоны «Слезай с печки» и «Без пощады», в которых в духе бухаринских «Злых замечок» он писал о том, что «Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения».

В ответ И.В. Сталин послал Д. Бедному письмо, в котором обвинил его в «клевете» на русский народ и русских рабочих, в «развенчании СССР», ибо русские рабочие, «проделав Октябрьскую революцию, не перестали быть русскими» [24, с. 25].

Более того, Сталин даже выразил сомнение в лояльности поэта линии партии. В официальной публикации письма в «Собрании сочинений» Сталина этот фрагмент письма был опущен.

«Существует, как известно, «новая» (совсем «новая»!) троцкистская «теория», – писал Сталин, – которая утверждает, что в Советской России реальна лишь грязь, лишь «Перерва». Видимо эту «теорию» пытаетесь Вы теперь применить к политике ЦК в отношении «крупных русских поэтов». Такова манера Вашего «доверия» к ЦК. Я не думал, что Вы способны, даже находясь в состоянии истерики, договориться до таких антипартийных гнусностей. Недаром, читая Ваше письмо, я вспомнил Сосновского...» [25, л. 8].

Намек на троцкиста Сосновского, к тому времени исключенного из партии, Д. Бедный понял мгновенно, отправив вскоре на рецензию И.В. Сталину свое новое стихотворение «О героическом» (к 25-летию со дня Московского вооруженного восстания), где покаялся в том, что:

По части России былой
У меня давно уж неблагополучно,
В чем расписуюсь собственноручно.

Далее, снимая с себя обвинения в клевете на русский рабочий класс, он писал:

Ведь Рассея нам все-таки мать,
Нас, детей, надо как понимать?
От худого, мол, семени
Не жди доброго племени?
От какой же мамыши Пролетарии наши,
Самый активный революционный отряд
Мирового рабочего класса?

Свое покаянное стихотворение Д. Бедный закончил оптимистическим пророчеством:

Работа историков наградит всех поэтов
Небывалым числом небывалых сюжетов,
И они, обрета в прошлых днях новизну,
Светлым фоном исправят мою кривизну [25, лл. 12, 13, 17].

Однако за исправление своей кривизны Д. Бедный заплатил слишком большую цену. Не написал бы он либретто к фарсу на оперу А.П. Бородина «Богатыри», которую поставил в 1936 году в Камерном театре А.Я. Таиров, не пришлось бы ему быть изгнанным не только из партии, но и из Союза писателей, лишиться личного расположения Сталина и заодно кремлевских привилегий.

Гораздо более удачно сложилась судьба советского писателя А.Н. Толстого. Академик Академии наук СССР, лауреат 3-х сталинских премий (последней посмертно), обладатель ордена Ленина, кресла депутата Верховного Совета СССР, роскошной квартиры в Москве, дачи в Барвихе и личного автомобиля, Алексей Толстой был одним из самых талантливых проводников сталинских идей в освещении истории царской России.

Благодаря своему тонкому политическому чутью и большому писательскому таланту, А.Н. Толстой из писателя-попутчика, бывшего белоэмигранта стал крупнейшим советским писателем.

В романе «Петр Первый» и в некоторых своих статьях и выступлениях Толстой сумел добиться того, что созданный им образ Петра I и его эпохи, к тому же блестяще экранизированный режиссером В. Петровым, стал созвучен пафосу строительства социализма в СССР и деятельности самого Сталина. По этому поводу русский эмигрант-монархист Иван Лукьянович Солоневич с едким сарказмом писал, что в романе А.Н. Толстого «Петр Первый» «социальный заказ выпирает как шило из мешка: психологически вы видите здесь сталинскую Россию, петровскими методами реализующую петровский же лозунг: «догнать и перегнать передовые капиталистические страны». Сталин восстает продолжателем

дела Петра, этаким Иосифом Петровичем, заканчивающим дело великого преобразователя» [26, с. 427–428].

Подобные наблюдения были близки к истине, хотя сам И.В. Сталин в беседе с немецким писателем Эмилом Людвигом, состоявшейся в 1931 году, на вопрос о том, допускает ли он параллель между собой и Петром Великим, отвечал, что «ни в каком роде» и вообще «исторические параллели всегда рискованны» [27, с. 104]. Тем не менее, было очевидно, что Алексей Толстой получил из Кремля карт-бланш на внедрение в общественное сознание данной исторической параллели, которая и пришла на ум Э. Людвигу.

Писатель не скрывал, что в романе «Петр Первый» намерен добиться «переклички» эпох петровских реформ и строительства социализма в СССР. В 1933 году Толстой писал о том, что «в каждом историческом явлении надо брать нужное нам, опускать архаизм и извлекать то, что созвучно нашей эпохе» [28, с. 213], а в 1937 году он прямо заявил, что, говоря об эпохе Петра I, «мы не хотим умалять значение личности человека, возвысившегося над своей эпохой» [28, с. 763].

Об особой роли А.Н. Толстого в популяризации сталинских взглядов на историю дореволюционной России свидетельствуют и некоторые другие факты.

В 1942–1943 годы по специальному заказу Комитета по делам искусств Толстой работал над пьесой об Иване Грозном. Пьеса была забракована секретарем ЦК ВКП (б) А.С. Щербаковым, который в апреле 1942 года писал И.В. Сталину о том, что работа Толстого «извращает исторический облик одного из крупнейших русских государственных деятелей – Ивана IV», из-за чего следует запретить как постановку на сцене, так и опубликование в печати этой пьесы. Однако после трех писем Толстого Сталину, в которых писатель подробно изложил свое видение злободневности популяризации деятельности Ивана Грозного и попросил: «Дорогой Иосиф Виссарионович, благословите начинать эту работу», пьеса была поставлена на сцене Малого театра [29, с. 7].

Такого рода переключки эпох, достигшие в конце 1930-х годов огромных пропагандистских масштабов, разгром «исторической школы» Михаила Николаевича Покровского, восстановление преподавания русской истории в вузах и общеобразовательных школах, некоторыми отечественными и зарубежными историками расцениваются как возрождение русского национализма в идеологии ВКП (б) и во взглядах самого И.В. Сталина.

Наиболее аргументировано данную точку зрения обосновывал израильский исследователь Михаил Агурский. Следуя своей аксиоме о том, что «у коммунизма есть тенденция становиться коммунизмом национальным, как только он приходит к власти» [30, с. 256], М. Агурский доказывал, что именно Сталину «суждено было стать тем человеком», который, «опираясь на красный патриотизм, примет национал-большевизм как программу, уничтожив все старое поколение интернационально мыслящих большевиков» [30, с. 148].

По Агурскому, И.В. Сталин еще в 1920-е годы понял, что «программа», с помощью которой можно добиться перевеса, должна быть национальной, но хорошо замаскированной... Уверенность в том, что режим отходит от интернационализма, вызвала бы серьезный кризис в еще неокрепшей системе, а также резко ослабила бы мировую поддержку СССР» [30, с. 201].

На первый взгляд, в пользу этой концепции действительно свидетельствуют некоторые факты:

– реабилитация и возвращение в науку в 1932–1935 годах после «академического дела» 1931 года таких ученых, как Ю.В. Готье, В.И. Пичета, Е.В. Тарле и других;

– письмо Сталина членам Политбюро от 19 июля 1934 года «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», опубликованное в мае 1941 года в журнале «Большевик», в котором содержалась недвусмысленная критика одиозного отношения Энгельса к российской внешней политике XIX века и отмечалось, что завоевательная политика «вовсе не составляла монополию русских царей» и была присуща «не в меньшей, если не в большей степени королям и дипломатам всех стран Европы» [31, с. 3];

– праздничный тост Сталина на обеде у Ворошилова 7 ноября 1937 года, в котором он отметил тот факт, что русские цари «сделали одно хорошее дело: сколотили огромное государство – до Камчатки» (39, 22 декабря).

Подобные факты способствовали широкому распространению на Западе мнения о том, что большевизм «перерождается» в новую фазу русского национализма и империализма.

В русской эмиграции 1930-е годы были прочно связаны с надеждами на созидательную роль нового русского патриотизма, который многие считали по ошибке традиционным русским патриотизмом дореволюционной эпохи. Такие взгляды были свойственны Николаю Александровичу Бердяеву и Георгию Петровичу Федотову, работы которых на Западе оценивались и оцениваются чрезвычайно высоко.

Бердяев в то время убеждал Запад в том, что «коммунизм в период сталинизма не без основания может представляться продолжением дела Петра Великого... В России вырастает не только коммунистический, но и советский патриотизм, который есть просто русский патриотизм». Заявляя о своем идеологическом неприятии Советской власти, Бердяев тем не менее утверждал, что пока большевики – это «единственная власть, выполняющая хоть какую-нибудь защиту России от грозящих ей опасностей» [32, с. 120].

Похожие мысли высказывал в своей публицистике 1930-х годов Г.П. Федотов. В 1936 году в статье «Защита России» он писал: «Новый советский патриотизм есть факт, который бессмысленно отрицать. Это есть единственный шанс на бытие России. Если он будет бит, если народ откажется защищать Россию Сталина, как он отказался защищать Россию Николая II и Россию демократической республики, то для этого народа, вероятнее нет возможностей исторического существования» [33, с. 124].

Советский патриотизм был гораздо более сложным явлением в нашей истории, его нельзя отождествлять ни с русским национализмом, ни с марксизмом. Это был исторический и идеологический феномен, в котором причудливым образом ужились и общие постулаты марксизма, с которыми И.В. Сталин нередко

обращался самым вольным образом, и элементы традиционного русского патриотизма, вводимые в пропагандистский обиход.

«Измена» Сталина идеалам марксизма-ленинизма – тема, достаточно «проработанная» как в стане сталинских идеологических противников, не говоря уже о перестроечной историографии [34].

Современных исследователей интересует вопрос о том, почему и как конкретно проявились в идеологии ВКП (б) 1930-х годов элементы традиционного русского патриотизма?

Введение в систему советского вузовского и школьного образования и гражданского воспитания основополагающих основ русской истории и культуры было вызвано необходимостью пробудить в народе патриотические чувства в связи с растущей угрозой войны против СССР со стороны гитлеровской Германии и союзных с ней Японии и Италии.

На этот факт в 1930-е годы обращал внимание евразиец П.Н. Савицкий.

В 1936 году в своей статье «Традиция и революция» он писал о том, что «надвинувшаяся вновь внешняя угроза видимо заставила если не всех, то многих вождей коммунизма понять, что на основе одного лишь восхваления революции, которым полна официальная коммунистическая идеология, трудно построить с успехом оборону страны».

Анализируя материалы советской прессы, Савицкий особо отмечает тот факт, что «в коммунистической фразеологии стали мелькать слова, которые до революции были свойственны исключительно крайним выразителям русской национальной идеи, например, славянофилам, а после революции – евразийцам. В этом смысле характерна статья в «Правде» от 9 июля под названием «Традиции раболепия». В ней с большой страстностью обличается «лакейское подбострастие», с которым некоторые круги в Советском Союзе относятся «ко всему, что носит на себе заграничный штамп» ... Тезис о том, что «коммунисты отнюдь не должны отгораживаться от положительной оценки прошлого своей страны», будучи проведенным в жизнь, может приобрести большое значение в судьбах со-

временной русской культуры. Нельзя отрицать того, что навыки коммунистической среды противостоят реализации этого тезиса. «Идиллическое» мировоззрение здесь было бы не у места. Только в порядке трагических столкновений может разрешиться эта противоположность и будет найден синтез революции и традиции, столь необходимый для дальнейшего подъема страны» [35, лл. 2, 8, 16].

Новый поворот на идеологическом фронте требовал радикальных изменений в сфере исторического образования. Представители школы М.Н. Покровского не смогли воспринять новых идеологических веяний.

Писатель Константин Михайлович Симонов был прав, когда писал в своих воспоминаниях о том, что «Покровский отвергался, а на его место ставился учебник Шестакова не потому, что вдруг возникли сомнения в тех или иных классовых категориях истории России, а потому, что потребовалось подчеркнуть силу и значение национального чувства в истории и тем самым в современности, в этом и был корень вопроса. Сила национально-исторических традиций, в особенности военных, была подчеркнута в интересах современной задачи. Задача эта, главная в то время, требовала мобилизовать все, в том числе и традиционные, национальные, патриотические чувства, для борьбы с германским нацизмом, с его претензиями на восточное пространство и с его теориями о расовой неполноценности славянства» [36, с. 183–184].

Насколько И.В. Сталину удалось справиться с решением такой задачи можно судить по некоторым документам из архивов немецкого МИДа. В Меморандуме МИДа Германии от 27 июля 1939 года говорилось о том, что «слияние большевизма с национальной историей России, выражающееся в прославлении великих русских людей и подвигов..., изменило интернациональный характер большевизма, как нам это кажется, особенно с тех пор, как Сталин отложил на неопределенный срок мировую революцию» [37, с. 30].

Грандиозность празднеств по случаю памятных дат русской истории и ее выдающихся персоналий, прославление мощи великих русских полководцев в кинематографе и литературе, возобновление преподавания дореволюционной

русской истории в школах и вузах естественно ассоциировались у иностранцев как возрождение русского национализма.

И сегодня многие зарубежные исследователи пишут о том, что в 1930-е годы И.В. Сталин воскресил русский национализм. Эту идею широко развил французский исследователь Николя Верт, книга которого «История Советского государства. 1900–1991 годы» многие годы использовалась в постсоветской России в качестве учебного пособия по отечественной истории. Н. Верт утверждал, что в 1930-е годы «возрождение русского национализма явилось фактором, ведущим к консолидации значительной части русского общественного мнения» [38, с. 236].

Отечественные историки не склонны к таким обобщениям, они не считают Сталина латентным русским националистом, а мнение Н. Берта оценивают как досадное недоразумение. В своих Берта суждениях исходил из фактологически ошибочного тезиса о том, что Российская Империя признавалась официальной советской историографией «тюрьмой народов» только «до начала 1930-х годов» [38, с. 236].

Тезис о России как «тюрьме народов» просуществовал весь советский период, хотя и подвергался серьезным корректировкам.

В 1934 году Сталин, Киров и Жданов в своих известных замечаниях на конспект школьного учебника по истории, подготовленный группой под руководством Н.Н. Ванага, указали на то, что:

– «В конспекте не подчеркнута аннексионистско-колонизаторская роль русского царизма, вкупе с русской буржуазией и помещиками (царизм – тюрьма народов)»;

– «В конспекте не подчеркнута контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике со времени Екатерины II и до 50-х годов 19-го столетия и дальше «царизм как международный жандарм»» [39, 27 января].

Тезис «царизм как международный жандарм» был внедрен И.В. Сталиным взамен формулы «царизм как оплот реакции в Европе и Азии» [40, л. 3].

Такие указания не были ни случайностью, ни маскировкой. В сталинской концепции советского патриотизма они работали на усиление новых патриотических чувств к новой России, а не на воскрешение традиционного русского национализма.

В основу нового патриотизма было положено представление о том, что Советская Россия является закономерной наследницей лучших традиций русской истории: ликвидировав «отсталый» и «реакционный» социально-экономический строй царской России и политику национального неравенства, большевики не уничтожили, а спасли и укрепили российскую государственность, выведя страну в конце 1930-х годов в число самых сильных держав мира.

Такова, вкратце, была концепция школьного учебника по истории СССР А.В. Шестакова.

Маститый русский историк Павел Николаевич Милюков, анализируя состояние исторической науки в СССР 1930-х годов, писал о том, что «для недоучившегося семинариста Сталина теоретические споры и высшие достижения русской историографии были недоступны», но «политическое значение преподавания русской истории он понимал прекрасно. И задача вернуть жизнь старым схемам совпадала с его собственной тенденцией – одеть теоретическую и спорную «генеральную линию» в живой национальный костюм. Сам он был не прочь занять в этой бутафории роль «единственного божественного творца и чудотворца», чье имя жило бы в веках...ну хоть по образу Петра Великого, с которым Покровский не знал, что делать. Для этого нужно было вернуть школьную историю ко временам более отдаленным, чем времена непосредственных предшественников и современников Покровского» [41, с. 122].

«Живой национальный костюм», в который И.В. Сталин «одел» свою теорию социализма в одной стране, походил на какой-то лоскутный наряд, что несколько не повредило общему делу формирования сталинской концепции советского патриотизма.

В этом можно убедиться, ознакомившись с некоторыми документами, в которых отражен процесс выхода в свет учебника по истории СССР А.В. Шестакова.

Речь идет о тех замечаниях, которые были сделаны в июне 1937 года к макету учебника членами жюри конкурса на создание школьного учебника по истории СССР: А.А. Ждановым – секретарем ЦК ВКП (б), А.С. Бубновым – наркомом просвещения РСФСР, В.П. Затонским – наркомом просвещения Украины.

Жданов, как главное доверенное лицо Сталина в вопросах идеологии, вносил наиболее жесткие правки в макет учебника Шестакова, твердо отстаивая принципы интернационализма и классовый подход к истории. Не особенно считаясь с историческими фактами, он тяготел к упрощенчеству, что порою приобретало просто анекдотический характер. Так, в том месте, где Шестаков писал, что славяне были предками русского народа, А.А. Жданов счел необходимым добавить: «...славяне... образовали три больших народа – русских, украинцев и белорусов» [42, л. 4].

Далее, к главе 5 «Расширение русского государства» он сделал такую вставку: «При Иване IV положение крестьян очень ухудшилось. К концу его царствования было воспрещено крестьянам уходить от своих владельцев даже в Юрьев день. Тогда и сложилась поговорка: «Вот тебе бабушка и Юрьев день!» [42, л. 20].

В главе 6 «Крестьянские войны и восстания угнетенных народов в XVII века» Жданов вычеркнул абзац, в котором излагались факты разгрома восстания Болотникова и написал о том, что восставшие потерпели поражение из-за того, что «крестьяне не имели тогда такого союзника и руководителя, как рабочий класс. Да и сами крестьяне были несознательны. Они воевали не против царизма и помещичьего строя, а против плохого царя и плохих помещиков за «хорошего царя» и «хороших помещиков» [42, л. 22].

В рассказ о восстании стрельцов при Петре I А.А. Жданов включил тезис о том, что «это было реакционное восстание», поскольку стрельцы «требовали возвращения к старому» [42, л. 31].

В § 32, посвященном «захватнической политике» Екатерины II, он не счел нужным сделать добавление о том, что в то время Грузия добровольно присоединилась к России, и перечеркнул портрет А.В. Суворова, считая ненужным его присутствие в учебнике, поскольку в тексте особо акцентировалось внимание на активном участии полководца в подавлении польского восстания под руководством Т. Костюшко [42, л. 37].

Подобные правки делал в макете учебника Шестакова и А.С. Бубнов, руководствуясь, как и Жданов, принципами интернационализма и классового подхода.

Так, в рассказ о Петре I он предложил вставить новый абзац, в котором подчеркивалось, что «деятельность Петра Великого была попыткой вывести страну из отсталости. Для снабжения армии нужными предметами оборудования и вооружения он строил заводы и фабрики. Он привлек на службу к себе иностранцев..., он заводил новые войска на иностранный лад..., он проводил ряд реформ в области государственного устройства. Но он был царем крупных землевладельцев-крепостников и купцов, а эти классы не могли уничтожить отсталость нашей страны. Эта задача была не по плечу ни помещикам, ни капиталистам. Ее мог, как следует поставить и надлежащим образом разрешить только рабочий класс, вставший во главе масс и установивший свою крепкую и сильную власть. И мог он сделать это только на основе победоносного строительства социализма в нашей стране» [42, л. 15–16].

В приведенных документах отчетливо видна все та же «перекличка» эпох, начатая Алексеем Толстым, и обеспечившая сталинской концепции советского патриотизма историческую легитимность и духовную преемственность.

Одной из наиболее сильных сторон советского патриотизма явилась апелляция большевиков к истории не только русского, но и многих других народов России. Эта апелляция компенсировала национальным окраинам те моральные издержки, которые они накопили в дореволюционном прошлом. Одной из самых главных мер такой компенсации было настойчивое желание руководство ВКП (б) добиться того, чтобы в школьных учебниках уделялось как можно

больше внимания истории всех народов СССР. Эту идею активно отстаивал В.П. Затонский.

В своих замечаниях к учебнику Шестакова он писал: «Истории СССР пока не получилась. В основном это история государства российского. Хотя несколько страниц в начале для декорации отведено Закавказью, Средней Азии, Казахстану, Сибири, но это относится ко временам царства высоких, горбоносых и голубоглазых усуней с рыжими волосами... 2000 лет тому назад. История Украины, по сути, обойдена, а то, что есть, подано неправильно, а о Белоруссии совсем ничего нет. Лишь в связи с Литвой упоминается о белорусах, да и в разделе о польском восстании 1863 года появляется термин Белоруссия» [42, л. 5].

Особенно возмущало Затонского то, как «упрощенчески» и «во вкусе украинских националистов» Шестаков подал историю Украины «во главе с демократическим гетманом» и колонизацию Средней Азии как всего лишь принуждение колонизаторами местного населения «вместо хлебных злаков сеять хлопок»: «От такого упрощения ничего кроме отвращения к хлопку не останется» [42, л. 3–4].

Любопытно, что опыт включения в отечественную историю фрагментов истории народов Востока, вызвал у упоминавшегося нами Г.П. Федотова подозрения в том, что «Сталин, несомненно, смотрит на историю России из Азии, точнее с Кавказа. О личном корне советского евразийства напоминает подчеркнутое упоминание Грузии – задолго до включения ее в империю. Странным образом с Грузии (а не с Греции или скифов) и начинается история СССР: «Самые древние государства в нашей стране возникли на юге Закавказья. Это было около 3000 лет назад. Первое государство Закавказья называлось Урарту, в районе Арарата... Это было государство родоначальников нынешней Грузии» [43, с. 157].

И.В. Сталин никогда «не смотрел на историю России с Кавказа», однако сталинская увлеченность грузинской историей оказала определенное влияние и на советскую историческую науку, и на идеологию советского патриотизма.

Показательна в этом плане следующая история.

В конце августа 1940 года на имя Сталина поступило письмо от секретаря ЦК КП (б) Грузии Кандида Нестеровича Чарквиани с жалобой на то, что в вышедшем в 1940 году вузовском учебнике «История СССР» были допущены «совершенно недопустимые искажения и игнорирование истории грузинского народа».

Письмо Чарквиани содержало настолько объемный перечень претензий к авторам вышеназванного учебника, что впору было не переделывать «Историю СССР», а писать историю Грузии.

В письме с возмущением говорилось о том, что грузинской культуре, «одной из самых древних культур на территории Советского Союза», и вопросу «о происхождении грузинского народа, об его неоспоримом родстве с митанским и хеттским народами, создавшими древнейшие культурные центры мира», было уделено «немногим больше места, чем истории, например, хазаров, гуннов и других кочевников, не внесших ничего в сокровищницу человеческой культуры».

Далее в письме указывалось на игнорирование авторами «Истории СССР» последних археологических раскопок, свидетельствующих «о высоком развитии культуры грузинских племен» во 2-м и 1-м тысячелетиях до нашей эры, истории Грузии в эпоху Александра Македонского и позднеримских завоевателей. Особенно отмечались ошибки, создающие «неверное представление о том, будто в V–VI веках у грузинского народа не было собственной письменности, тогда как уже с V века сохранились грузинские надписи, являющиеся древнейшими из надписей на языках народов Советского Союза».

Чарквиани и стоявшие за ним грузинские историки были недовольны и тем, что в «Истории СССР» не получили должного освещения царствования Давида Строителя и царицы Тамары, имело место «умалчивание» о грузинском зодчестве, неточности и недостаточность в освещении вопросов взаимоотношений Московской Руси с грузинскими царствами, присоединения Грузии к России, истории и культуры Грузии в XIX веке [44, л.116–118].

Перечислив все эти претензии, Чарквиани попросил И.В. Сталина от имени ЦК КП (б) Грузии «обязать руководство Института истории Академии наук

СССР переработать и исправить для следующего издания главы книги «История СССР», относящиеся к Грузии, с участием историков – научных работников Грузинского филиала Академии Наук СССР, уделив истории грузинского народа в учебнике подобающее ей место» [44, л. 119].

Разобраться с этим делом Сталин поручил Жданову, а виновника искажений истории Грузии в учебнике «История СССР» нашли почему-то не в Институте истории и не среди историков, а в лице заведующего отделением общественных наук АН СССР, академика-философа А.М. Деборина. На письме Чарквиани И.В. Сталин наложил следующую резолюцию: «Т. Жданов. Просьба обратить внимание. Дебориным вообще недовольны люди. И. Сталин» [44, л. 116].

5 октября 1940 года начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Георгий Федорович Александров подготовил и отправил на имя А.А. Жданова справку о проверке фактов, изложенных в письме Чарквиани, и о предполагаемых мерах.

В ней отмечалась правомочность замечаний Чарквиани. Институту истории АН СССР было предложено устранить все недостатки, указанные в его письме с привлечением к работе грузинских историков, а А.М. Деборин должен был уйти с должности заведующего отделением общественных наук АН СССР, Деборину вменялось в вину «формально-бюрократические методы работы», выразившиеся в том, что он не входил «в существо научной работы таких, например, институтов, как институты философии и истории» и не заботился «о связи объединяемых им институтов с институтами филиалов академии и республиканских академий, результатом чего в значительной мере и являются факты, указанные в письме товарища Чарквиани» [44, л. 120–121].

На этой справке Жданов наложил резолюцию, в которой он дал указание Александрову о снятии с работы Абрама Моисеевича Деборина и о необходимости сообщить Чарквиани о принятых Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) мерах, что было исполнено 15 октября 1940 года [44, лл. 120, 123].

В октябре 1940 года И.В. Сталин проявил живой интерес к сценариям фильма «Георгий Саакадзе», подвергнув критике оба сценария этого фильма: один – Леонидзе, другой – Антоновской и Черного.

Забраковав сценарий Г.Н. Леонидзе за историческую «примитивность» и «бедность в художественном отношении», Сталин отметил в лучшую сторону сценарий А.А. Антоновской и Б. Черного. Тем не менее, он считал, что Антоновская и Черный чрезмерно превозносили деятельность Саакадзе по объединению грузинских царств в единое государство, не замечая того, что в то время Грузия «еще не успела созреть... для объединения в одно государство путем утверждения царского абсолютизма и ликвидации власти князей» [45, с. 91–92].

Столь пристальное внимание к грузинской истории не могло не сказаться на идеологии. В 1940 году в СССР активно пропагандировалась необходимость укрепления русско-грузинской дружбы. В своей статье, посвященной 100-летию со дня рождения известного грузинского писателя Акакия Церетели, А. Толстой писал о том, «весь русский народ особенно любит и ценит прекрасную Грузию и сокровища, грузинской культуры», а песни А. Церетели поют «во всех республиках Советского Союза, например, трогательную песню о Сулико» [46, с. 338, 341].

Таким образом, идея братства между народами СССР была неотъемлемой частью сталинской концепции советского патриотизма, априори исключающей идеологию русского национализма.

Формированию идеологии советского патриотизма способствовал и полный отказ Кремля от большинства нигилистических трактовок русской истории, насаждаемых школой М.Н. Покровского.

Героизация отдельных периодов и личностей дореволюционной истории, необходимая для усиления советского патриотизма, была чужда Покровскому и его ученикам.

История дореволюционной России с позиции Покровского рассматривалась как процесс возникновения и развития торгового капитализма, его дальнейшей борьбы с промышленным капитализмом и возникновения империализма.

В 1935–1937 годы, когда шла активная работа над новыми учебниками по истории СССР, концепция Покровского еще не была развенчана. Это произошло в конце 1930-х начале 1940-х годов, когда были изданы известные сборники «Против исторической концепции М.Н. Покровского» и «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского».

Следует заметить, что концепции М.Н. Покровского, достаточно основательно проработанной и весьма удобной для популяризации среди широких слоев населения, противопоставить нечто равноценное было достаточно непросто.

И.В. Сталин не спешил предложить историкам новую концепцию дореволюционной истории, он ждал от них встречной инициативы. Поэтому в апреле 1937 года при обсуждении вопроса об учебниках по истории для партийных школ, Сталин предложил временно использовать лучшие старые учебники дореволюционного периода, внося в них необходимые поправки до появления приемлемого советского учебника [47, с. 133].

Помимо апелляции И.В. Сталина к дореволюционной историографии, как к приемлемому для переработки материалу, в 1937 году началось активное возвращение в науку историков, пострадавших в начале 1930-х годов.

В авторский коллектив по созданию учебника под редакцией А.В. Шестакова вошел видный ученый дореволюционной школы Юрий Владимирович Готье.

И.В. Сталин лично принимал меры к тому, чтобы оградить еще недавно гонимых историков.

В июне 1937 года, когда в советской прессе появились разгромные рецензии на книгу Евгения Викторовича Тарле «Наполеон», ученый попросил у Сталина предоставить ему возможность выступить в печати со статьей против Константина и Кутузова – наиболее суровых рецензентов «Наполеона».

30 июня 1937 года И.В. Сталин направил Тарле письмо, которое отчетливо показывает характер взаимоотношений вождя с маститым историком:

«Товарищу Тарле.

Мне казалось, что редакционные замечания «Известий» и «Правды», дезавуирующие критику т.т. Константинова и Кутузова, уже исчерпали вопрос, затронутый в Вашем письме, насчет Вашего права ответить в печати на критику этих товарищей антикритикой. Я узнал, однако, недавно, что редакционные замечания этих газет Вас не удовлетворяют. Если это верно, можно было бы, безусловно, удовлетворить Ваше требование насчет антикритики. За Вами остается право остановиться на форме антикритики, наиболее Вас удовлетворяющей (выступление в газете или в виде предисловия к новому изданию «Наполеона»).

И. Сталин

30.06.1937 год [48, л. 92].

Во второй половине 1930-х годов наметился откат историков к дореволюционным методическим приемам преподавания истории в школе, что, несомненно, имело позитивное значение.

П.Н. Милюков с удовлетворением отмечал, что в учебнике Шестакова произошел возврат «к педагогическим приемам времен учебников Иловайского» [49, с. 125].

Те же историки, кто вовремя не отошел от установок и методических приемов Покровского, были обречены на провал.

В 1935 году специальная комиссия Политбюро ЦК ВКП (б) по созданию новых учебников по истории СССР и по всеобщей истории отвергла 2 учебника по истории СССР для начальной школы, подготовленных коллективами историков под руководством З.Б. Лозинского и И.И. Минца. В этих учебниках история России подавалась сугубо по Покровскому. Вот некоторые фрагменты из учебника под редакцией Минца:

– о Дмитрии Донском в битве на Куликовом поле – «Сам князь Дмитрий исчез, но скоро нашелся. Еще в начале боя князь заполз под свежие ветви срубленного дерева и пролежал весь бой. На теле князя не было ни одной раны: только доспехи слегка помялись»;

– о причинах похода Ивана Грозного на Казанское ханство – «Русские помещики давно точили зубы на татарские земли»;

– об освоении Сибири – «Слезами и кровью местных народов отмечен каждый шаг русских захватчиков»;

– о значении победы в Отечественной войне 1812 года – «Русские помещики отстояли свою империю» [50, л. 59; 76, л. 7, 45].

Подобные узкоидеологические трактовки истории России в 1935 году были уже не актуальны. Учебник под редакцией Минца был весь исчеркан замечаниями заведующего отделом школ ЦК ВКП (б) Б.М. Волина, а в одном месте свой автограф оставил И.В. Сталин.

Авторы учебника назвали раздел об освобождении Москвы от поляков в 1612 году «Контрреволюция», а ополчение Минина и Пожарского «контрреволюционной армией», в ответ на это Волин написал на полях: «Непонятно: выходит, что поляки были революционной армией?», а Сталин добавил – «Что же, поляки, шведы были революционерами? Ха-ха. Идиотизм» [50, л. 86–87].

Если в случае с отрицанием тезиса о контрреволюционном характере ополчения Минина и Пожарского возобладал здравый смысл и историческая правда, поскольку отвергалась одиозная установка Покровского о том, что «в лице Минина и Пожарского одержал победу торговый капитал, для которого купцы были хозяевами, а помещики первыми слугами» [52, с. 76], то в описании деятельности Петра I был налицо отход от истины, поощряемый негласно И.В. Сталиным, заинтересованным в идеализации этого царя.

Учебник, подготовленный в 1937 году О. Жемчужиной и С. Глязер, вызвал недовольство у Волина из-за того, что в нем содержался слишком подробный рассказ о жестокости Петра I при подавлении стрелецкого бунта. Свое недовольство Волин выразил следующим замечанием: «Автор одобряет стрелецкий бунт?» [53, с. 116].

Таким образом, идеализация Петра I вынуждала предать забвению более правдоподобную оценку этого царя, данную Покровским, который считал, что Петр «был не только самым талантливым и энергичным, но и самым жестоким из Романовых» [54, с. 8].

Слепое следование концепции М.Н. Покровского негативно сказалось на содержании учебников под редакцией Минца и Лозинского. Увлеченные рассказами о крепостниках, тюрьме народов и о различных народных восстаниях, авторы вышеназванных учебников забыли о некоторых важнейших событиях и персоналиях отечественной истории. В учебнике под редакцией Минца ничего не говорилось о разгроме Хазарского каганата князем Святославом, ни разу не упоминались такие полководцы, как А. Суворов, П. Румянцев, Ф. Ушаков, и ни слова не говорилось об обороне Севастополя во время Крымской войны [55, л. 25–26; л. 32–33, 62–63].

Подобные пробелы восполнялись сведениями по всеобщей истории.

В учебнике под редакцией Минца нашлось место для целых разделов о древних греках и римлянах, о книге германского посла при Василии III. Сигизмунда Герберштейна «Московия» и о Наполеоне I, а в учебнике под редакцией Лозинского помимо обязательных сведений по всеобщей истории – английская и французская революции, создание I Интернационала, Парижская Коммуна, содержались главы о крестовых походах и великих географических открытиях [56, л. 7–14, 69–70; л. 41–43; л. 43–46, 62–64].

Такое размещение материала для учащихся начальной школы было крайне неудачным – получалась эклектическая смесь отечественной и всеобщей истории, практически недоступная для усвоения детьми 10–11 лет. Кроме того, и в учебнике под редакцией Минца и в пособии Лозинского содержалось очень мало информации о культуре России.

Прочитав 2-ю часть учебника под редакцией Лозинского, Волин отметил: «Нигде ничего нет о появлении книгопечатания на Руси, ничего вообще о письменности» [56, л. 1].

Еще большие изъяны Волин нашел во 2-й части учебника под редакцией Минца: «Из оглавления, а также дальнейших подзаголовков и самого конечно текста выходит, что вся история есть только история революционных движений и восстаний. Борьба классов имеет в виду также и экономику, идеологию, культуру, чего здесь мало или вообще нет» [56, л. 3].

Данные замечания были, безусловно, справедливы.

Отойдя от классической марксистской доктрины о необходимости мировой революции, ее непрерывности, «перманентности», И.В. Сталин выдвинул и обосновал идею о необходимости строительства социализма «в одной стране», которая была призвана мобилизовать народ на модернизационный прорыв, должный обеспечить неуязвимость нашей страны от иностранной агрессии.

Заставив Коминтерн «без всяких условий» защищать СССР, Сталин сформировал в общественном сознании образ великой страны, в которой делается все возможное для уничтожения капитализма. Мрачному царству капитала и беспощадной эксплуатации противопоставлялась светлая картина социальной справедливости и гармоничного развития человека. Этот образ Сталину удалось реализовать на практике. СССР 1930-х годов у многих западных политиков и интеллектуалов ассоциировался со страной, успешно решавшей самые сложные социальные проблемы. Достаточно вспомнить статью классика американской литературы Теодора Драйзера «Благодарю Маркса и Красную Россию».

Преодолев нигилизм 1920-х годов по отношению к дореволюционному периоду истории России, И.В. Сталину удалось обеспечить концепции советского патриотизма историческую легитимность и духовную преемственность со старой Россией, особенно в вопросах укрепления российской государственности и защиты национальной независимости страны.

Сталину удалось сбалансировать необходимые пропорции между национальным патриотизмом русских и чувством уважения и почитания ко всем народам России. Проповедуемые им интернационализм и братство между народами гармонично сочетались с пропагандой идеи укрепления и защиты многовековой российской государственности.

Новая государственная идеология отвечала геополитическим устремлениям СССР и дала немало положительных результатов, в том числе в исторической науке, воскресшей после длительного политического забвения.

Список литературы

1. Анисимов Е. Стереотипы имперского мышления. Историки отвечают на вопросы / Е. Анисимов. – М., 1990.
2. Сироткин В.Г. Предисловие к книге Тарле Е.В. Талейран / В.Г. Сироткин. – М., 1992.
3. Барсенков А.С. Русский вопрос в национальной политике. XX век / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, В.А. Корецкий. – М., 1993.
4. Емельянинов Ю.В. Заметки о Бухарине / Ю.В. Емельянинов. – М., 1989.
5. Рютин М.Н. Сталин и кризис пролетарской диктатуры / М.Н. Рютин // Известия ЦК КПСС. – 1990. – №9.
6. Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций / Л.Д. Троцкий. – М., 1990.
7. Троцкий Л.Д. Портреты революционеров / Л.Д. Троцкий. – М., 1991.
8. Сталин И.В. Сочинения / И.В. Сталин. – Т. 3.
9. Протоколы ЦК РСДРП (б). Август 1917 – февраль 1918. – М. 1985.
10. Троцкий Л.Д. Моя жизнь / Л.Д. Троцкий. – М., 1991.
11. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. – М., 1990. – Т. 4.
12. РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 2643.
13. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. – М., 1990. – Т. 2.
14. Сталин И.В. Сочинения / И.В. Сталин. – Т. 5.
15. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. – М., 1990. – Т.4.
16. Дмитриевский С. Сталин. Предтеча национальной революции / С. Дмитриевский. – М., 2003.
17. Троцкий Л.Д. Литература и революция / Л.Д. Троцкий. – М., 1991.
18. Троцкий Л.Д. К истории русской революции / Л.Д. Троцкий. – М., 1990.
19. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 22.
20. Луначарский А. Силуэты: политические портреты / А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. – М., 1991.

21. Стенограмма заседания секции 12-го съезда РКП (б) по национальному вопросу 23 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. – 1991. – №5.
22. Сталин И.В. Сочинения / И.В. Сталин. – Т. 7.
23. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. – М., 1990. – Т. 2.
24. Сталин И.В. Сочинения / И.В. Сталин. – Т. 13.
25. РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 2939.
26. Солоневич И.Л. Народная монархия / И.Л. Солоневич. – М., 1991.
27. Сталин И.В. Сочинения / И.В. Сталин. – Т.13.
28. Толстой А.Н. Собр. соч. в 10-ти тт. / А.Н. Толстой. – М., 1986. – Т. 10.
29. История оружия борьбы (Письма Толстого И.В. Сталину по поводу постановки пьесы «Иван Грозный») // Гласность. – 1991. – №48.
30. Агурский М. Идеология национал-большевизма / М. Агурский. – М., 2003.
31. «Большевик». – 1941. – №9.
32. Латышев А. Как Сталин Энгельса свергал / А. Латышев // Российская газета. – 1992.
33. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М., 1990.
34. Федотов Г.П. Судьба и грехи России / М.Н. Федотов. – СПб. – Т. 2
35. Рютин М.Н. Сталин и кризис пролетарской диктатуры / М.Н. Рютин // Известия ЦК КПСС. – 1990. – №8–12; Бутенко А. Откуда и куда идем. Взгляд философа на историю советского общества / А. Бутенко. – СПб., 1990.
36. ГАРФ. – Ф. 5783. – Оп. 1. – Д. 173.
37. Симонов К.М. Глазами человека моего поколения / К.М. Симонов. – М., 1989.
38. Оглашению не подлежит. СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы. – М., 1991.
39. Верт Н. История Советского государства / Н. Верт. – М. 1991.
40. «Правда». – 1936.

41. РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 1. – Д. 3156.
42. Милюков П.Н. Величие и падение Покровского / П.Н. Милюков // Вопросы истории. – 1993. – №4.
43. РГАСПИ. – Ф. 77. – Оп. 1. – Д. 854.
44. Федотов Г.П. Как Сталин видит историю России? / Г.П. Федотов // Вопросы философии. – 1990. – №8.
45. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 10.
46. Латышев А. Две сталинские премии / А. Латышев // Искусство кино. – 1990. – №11.
47. Толстой А.Н. Собр. соч. в 10-ти тт. / А.Н. Толстой. – М., 1986. – Т. 10.
48. Артизов А.Н. В угоду взглядам вождя / А.Н. Артизов // Кентавр. – 1991. – Октябрь–декабрь.
49. РГАСПИ. – Ф. 71. – Оп. 10. – Д. 130.
50. Милюков П.Н. Величие и падение Покровского / П.Н. Милюков // Вопросы истории. – 1993. – №4.
51. РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 3. – Д. 217; Д. 218.
52. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке / М.Н. Покровский. – М.–Л., 1930.
53. РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 3. – Д. 63.
54. Покровский М.Н. Избранные произведения в 4-х тт. / М.Н. Покровский. – М., 1967. – Т. 3.
55. РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 3. – Д. 217; Д. 218.
56. РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 3. – Д. 217; Д. 218; Д. 189.